

О ВСТРЕЧАХ С ЛЮБОВЬЮ ДМИТРИЕВНОЙ БЛОК И О СУДЬБЕ ХРАНИВШЕГОСЯ У НЕЕ АРХИВА ПОЭТА

Сообщение И. С. Зильберштейна

1925 год, Ленинградский университет. В те времена студентам жилось слишком вольготно. Поэтому почти каждодневно значительно больше часов, чем на университетских лекциях и на занятиях в семинарах, я проводил в Пушкинском Доме, — благо находился он тогда рядом, на крошечной Тифлисской улочке, куда выходила тыльная сторона университета.

В те годы мне казалось, что все самое интересное для меня на свете находится именно в том небольшом здании на Тифлисской улочке. Александр Блок обессмертил хранилище бесценных реликвий русской культуры в своем стихотворении «Пушкинскому Дому», написанном за полгода до кончины. В моей памяти постоянно воскресали чудесные строки этого стихотворения, которые я знал наизусть:

Имя Пушкинского Дома,
В Академии наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это — звон ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижном скакуне.

Завершалось стихотворение строками, которые навсегда остались в сердцах всех тех, для кого Пушкинский Дом был родным домом:

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

В этом заключительном четверостишии мне чудилось некое прощание великого поэта с любимым городом, — ведь то было самое последнее стихотворение Блока, а жизнь его завершилась через шесть месяцев. Кстати сказать, недавно была отыскана рукопись воспоминаний научной сотрудницы Пушкинского Дома Е. П. Казанович, в которых рассказывается о том, как было написано Блоком это стихотворение (см. журнал «Звезда», 1977, № 10).

Самым лучшим из всех дорогих мне людей в Ленинграде я считал Б. Л. Модзалевского, создателя и главного хранителя рукописного отдела Пушкинского Дома, человека неиссякаемой доброжелательности, беспредельного внимания к начинающим литературоведам. Его неизменная готовность помочь советом способствовала, в частности, написанию мною вышедшей в 1926 г. книжицы «Из бумаг Пушкина. Новые материалы».

Бывал я и в находившемся тогда в распоряжении Пушкинского Дома здании на Миллионной улице (ныне улица Халтурина, 22). — там устраивались выставки и научные заседания (этот особняк в начале прошлого века принадлежал князю Д. С. Абамелеку, — его дочери Анне в 1832 г. Пушкин вписал в альбом стихотворение «Когда-то (помню с умиленьем) / Я смел вас нянчить с восхищеньем»).

Вспоминаю устроенный в этом здании в августе 1926 г. литературный вечер, посвященный пятилетию со дня кончины Александра Блока. В программе вечера было анонсировано и выступление Любови Дмитриевны с чтением стихов поэта. Поэтому мы, молодые литературоведы, никогда не видевшие ее, собрались в сторонке от парадной мраморной лестницы, чтобы поблизи рассмотреть эту легендарную женщину, которой молодой Блок посвятил свои лучшие стихи и чье имя навсегда вошло в его жизнь.

Уже в первую минуту своего появления Любовь Дмитриевна поразила нас — высокого роста, величественная, преисполненная чувства собственного достоинства, с гордо посаженной головой. К тому же она была одета в красивое черное платье... И не только наше внимание приковывала к себе Любовь Дмитриевна на протяжении всего вечера, — все те, кто тогда пришел, не уставляя рассматривать ее в упор, как рассматривают художественное произведение... Лишь позже, узнав, что в молодые годы Любовь Дмитриевна была актрисой, я понял: в том, как она держалась, была некая театральная условность, которая нередко свойственна актрисам и в жизни, даже тогда, когда они покидают сцену.

Смутно помню манеру, в какой Любовь Дмитриевна читала произведения Блока — его лирические стихи и отрывок из «Двенадцати». Но хорошо запомнил, как после окончания вечера ее провожал до извозчика, уже ждавшего у подъезда, Б. Л. Модзалевский. Мы, молодые, не остававшие от Любови Дмитриевны и шедшие за ней следом, слышали их разговор: Борис Львович спрашивал Любовь Дмитриевну о дальнейшей судьбе архива Блока, говорил, что будет рад, если творческие рукописи и переписка поэта поступят в Пушкинский Дом. Ответ был лаконичен: архив еще не приведен в порядок, а в дальнейшем, возможно, будет отдан в Пушкинский Дом.

В начале 1928 г. Б. Л. Модзалевский скончался. Его светлой памяти я посвятил выпущенную издательством «Academia» в том же году мою книгу «История одной вражды. Переписка Достоевского и Тургенева». А два года спустя, по предложению М. Е. Кольцова, замечательного советского писателя, лучшего фельетониста того времени, возглавлявшего «Журнально-газетное объединение», я переехал в Москву.

При помощи Михаила Ефимовича весной 1931 г. мне удалось осуществить самую сокровенную мечту молодых лет моей жизни — приступить к созданию сборников неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли. Этим сборникам мы дали название «Литературное наследство», а их выпуском, по указанию М. Е. Кольцова, занялось «Журнально-газетное объединение». Вскоре в работу включился С. А. Махашин, и началась наша многолетняя совместная деятельность по подготовке и изданию томов «Литературного наследства». В те годы большое участие в этой работе принимал наш товарищ, ныне покойный, И. В. Сергиевский.

За первые пять лет существования «Литературного наследства» мы выпустили тринадцать книг (№№ 1—26). Некоторые тома были сборными, другие тематически едиными, — в их числе пушкинский, весьма объемистый (около 1200 страниц и 337 иллюстраций), превосходно отпечатанный в Гознаке; в отдельном томе обнародованы неизвестные произведения и письма наших прогрессивных писателей XVIII в., специальные тома были посвящены разработке темы «Гете и русская культура», Н. А. Добролюбову и Н. Г. Чернышевскому, М. Е. Салтыкову-Щедрину...

Но материалов по русской литературе XX в. мы не касались (если не считать публикации в сборных томах двух интереснейших писем Леонида Андреева к А. М. Горькому, статьи «Валерий Брюсов и первая русская революция» и нескольких ранее не выявленных произведений В. В. Маяковского). И только в 1936 г. мы с И. В. Сергиевским решили заняться подготовкой тома неизданных материалов о видных мастерах русского символизма — Александре Блоке, Андрее Белом, Валерии Брюсове. Начались поиски материалов, и это привело меня к Л. Д. Блок.

До сих пор живет во мне то чувство благоговения, с каким я впервые подходил к дому на 6. Офицерской улице и переступал порог квартиры, где всего пятнадцать лет назад жил и творил великий поэт, где он скончался. Познакомившись же с Любовью Дмитриевной спустя десять лет после того, как впервые увидел ее на вечере памяти Блока, я, откровенно говоря, был огорчен: за эти годы она очень пополнила, в ее лице уже не было прежнего обаяния, а главное — Любовь Дмитриевна выглядела много старше своих лет, хотя ей тогда было всего 54 года.

В нашей первой беседе, как и в некоторых дальнейших, принимала участие В. П. Веригина, приятельница Л. Д. Блок, — с молодых лет они дружили. Передавая Любови Дмитриевне в подарок наш пушкинский том, я сказал, что мы собираемся выпустить «символистский» том «Литературного наследства», уделив в нем значительное место публикациям и сообщениям о Блоке. Ознакомившись с оглавлением пушкинского тома, Любовь Дмитриевна стала перелистывать книгу, а увидев цветное воспроизведение великолепного портрета Н. Н. Пушкиной, исполненного акварелистом В. Гау спустя восемь лет после гибели поэта, не отрываясь смотрела на эту превосходную репродукцию. Перелистав еще несколько страниц, Любовь Дмитриевна вновь вернулась к той репродукции, — видимо ей запал в душу пленительный портрет Н. Н. Пушкиной.

Что же касается цели нашей встречи, то мы договорились, что Любовь Дмитриевна предоставит для публикации в подготовляемом томе юношеский дневник Блока, а также те из писем Белого, которые мы решили напечатать вместе с некоторыми ответными письмами Блока (копиями последних мы уже располагали). Договорились и о том, что комментирование этих материалов будет поручено В. Н. Орлову (кстати сказать, оказавшему нам большую помощь в создании «символистского» тома). Тогда же Любовь Дмитриевна показала подлинник юношеского дневника Блока, все адресованные ему письма Белого — их сохранилось двести, причем многие были весьма пространными. Впервые увидел я и рисунки Блока — робкие и неумелые, они вместе с тем производили трогательное впечатление; особенно хороши были его шаржи на жену и на писателей того времени.

Вторая наша встреча ознаменовалась новыми результатами.

В то время в Москве уже существовал основанный В. Д. Бонч-Бруевичем Литературный музей. В качестве его директора Владимир Дмитриевич сумел за немногие годы собрать ценнейшие архивные фонды. Несмотря на пожилой возраст, делал он это с удивительной самозабвенностью, которая передавалась всем, помогавшим ему приумножать рукописные богатства нового музея. Принимать в этом участие довелось и мне. Так, еще до знакомства с Любовью Дмитриевной, во время моих многочисленных поездок в Ленинград с целью разыскания материалов для очередных томов «Литературного наследства», мне удавалось находить для Музея множество ценнейших рукописей и даже целых фондов, в их числе богатейший архив писателя, литературного критика и редактора журнала «Библиотека для чтения» А. В. Дружинина. В этот архив, кроме содержательных дневников Дружинина, входило множество писем к нему П. В. Анненкова, В. П. Боткина, И. А. Гончарова, Д. В. Григоровича, Аполлона Григорьева, М. Н. Каткова, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, И. И. Панаева, А. Ф. Писемского, А. Н. Плещеева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. А. Фета и многих других литературных деятелей того времени. Отыскал я также и приобрел для Литературного музея дневники и творческие рукописи поэта и драматурга М. А. Кузмина, архив художника К. А. Сомова, в котором сохранились сотни писем выдающихся деятелей творческого объединения «Мир искусства»... Немало было мною получено для Музея и по Блоку: у его ближайшего друга Е. П. Ива-

нова («рыжий Женья») приобрел адресованные ему 73 письма поэта (1904—1920), два письма к М. П. Ивановой (1911—1912), а также фотографию Блока с надписью ей; у П. П. Щеголева* — 20 автографов стихотворений Блока; у поэтессы и переводчицы В. Е. Арнс — пять писем Блока, к ней обращенных; в семье поэта и беллетриста В. И. Кривича-Анненского удалось получить принадлежавший ему альбом, в котором наряду с записями А. А. Ахматовой, Андрея Белого, М. А. Волошина, А. М. Горького, Вячеслава Иванова, А. Ф. Кони и В. Г. Короленко был автограф стихотворения Блока «Над черной слякотью дороги»; у антиквара Ф. С. Соколова приобрел два автографа Блока — стихотворение «Никто не умирал. Никто не кончил жить» и письмо к В. А. Пясту от 3 марта 1913 г., а также 17 изданий поэмы «Двенадцать» на разных языках; у букиниста А. С. Молчанова — ту же поэму, изданную в 1918 г. издательством «Алконост» с дарственной надписью Блока пушкинисту П. О. Морозову. Тогда же удалось получить для музея две редчайшие фотографии Блока-гимназиста: одна — печатдела его на рыбной ловле, другая — с конюхом, верхом на лошадях, направляемых к озеру на водопой. Наконец, я отыскал несколько подлинников иллюстраций Ю. П. Анненкова к первому изданию поэмы «Двенадцать», выпущенному в 1918 г. (В архиве В. Д. Бонч-Бруевича, который находится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, сохранились мои письма, где отражено проводившееся мною в те годы интенсивное выявление для Литературного музея архивных материалов и произведений изобразительного искусства — ф. 369, картон 274, ед. хр. 6).

К тому же я вел в Музее редакторскую и авторскую работу по некоторым задуманным нами с Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем изданиям, в частности, по томам «Летописей», в которых публиковались ранее неизвестные творческие, эпистолярные и документальные материалы русских писателей прошлого.

Вот почему во время второй встречи я попросил Любовь Дмитриевну уступить музею подлинники всех писем Белого к Блоку (охватывающих период времени с 1903 по 1919 г.) с тем, чтобы в дальнейшем их переписку можно было бы опубликовать отдельным томом в «Летописях», выпускаемых Литературным музеем. Любовь Дмитриевна согласилась с этим предложением. Тогда же В. П. Веригина вручила мне для Музея свои «Театральные воспоминания о Блоке».

Нужно ли говорить, как я был рад тому, что увенчались успехом мои хлопоты не только для «символистского» тома «Литературного наследства», но и для Музея, как был счастлив В. Д. Бонч-Бруевич, когда я привез и передал ему подлинники писем Белого к Блоку, воспоминания Веригиной. Забегая вперед, скажу, что в 1940 г. вышел в свет том «Летописей», который назывался «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка», со вступительной статьей и комментариями В. Н. Орлова. Весьма трудоемкая работа по выпуску этого издания, выходившего в сложных условиях, лежала на мне. Книга эта до сих пор является незаменимым пособием для тех, кто занимается изучением русской литературы нашего века. С полным основанием Андрей Белый считал, что его переписка с Блоком «блестящий литературный дневник эпохи».

На протяжении 1936 и 1937 гг. я продолжал бывать у Любви Дмитриевны. Она часто жаловалась на плохое состояние здоровья, тем не менее много писала о балетном искусстве, мечтала выпустить книгу о замечательной ленинградской балерине Галине Кирилловой и почти не пропускала спектаклей с ее участием.

Вспоминается весна 1938 г., когда я привез в подарок Любви Дмитриевне один из первых экземпляров нашего «символистского» тома (№ 27-28; хотя он датирован 1937 г., но вышел в начале следующего года). Том произвел на нее самое благоприятное впечатление еще, видимо, потому, что некоторые опубликованные в нем материалы были прямыми свидетельствами о ее молодости, овеянной чудесной поэзией, но и отягощенной нелегкими личными переживаниями. О ней много говорилось в юношеском дневнике Блока, где сохранились черновики неотправленных четырех его

* Павел Павлович Щеголев — сын Валентины Андреевны Щеголевой, которой посвящены три стихотворения Блока; сохранилась также ее переписка с поэтом.

писем к Любви Дмитриевне, а также посвященные ей стихи; она незримо присутствовала и в опубликованной в том же части переписки Блока и Белого, которая свидетельствовала, что отношения друзей едва не завершились дуэлью из-за Любви Дмитриевны... В дальнейшем она просила подарить ей несколько экземпляров тома, предназначавшихся, вероятно, матери, художнице А. И. Менделеевой, младшей сестре, М. Д. Кузьминой, В. П. Веригиной.

Поскольку творческие рукописи покойного мужа и его дневники Любовь Дмитриевна, как она мне тогда говорила, считала нужным в дальнейшем передать Пушкинскому Дому (впоследствии они туда и поступили), я начал с ней во второй половине 1938 г. переговоры о приобретении Литературным музеем всех сохранившихся в архиве Блока писем, принадлежащих перу литераторов и общественных деятелей. Вскоре переговоры завершились положительно, и весной следующего года весь этот фонд, куда входило, кроме ранее приобретенных двухсот писем Андрея Белого и писем Любви Дмитриевны к Блоку, еще свыше двух тысяч ста документов, был приобретен мною для Музея и привезен туда его секретарем К. Б. Суриковой вместе с описью, составленной владелицей архива.

В этом фонде сохранились письма 440 корреспондентов Блока. Но до сих пор они изучены лишь в малой степени. Между тем в них есть сведения уникального характера. Так, некоторые из этих эпистолярных документов свидетельствуют о том, что до нас не дошло множество писем Блока, порой интереснейших. Приведу такой пример. В указанном фонде оказалось 71 письмо С. М. Городецкого. Прочитав их, можно сделать вывод, что ответных писем Блока было почти столько же. И хотя ни одно из них до нашего времени, возможно, не сохранилось, об их содержании можно получить представление, ознакомившись с письмами Городецкого. Вот одно такое его письмо к Блоку от 28 июня 1906 г. (цитирую частично):

«Дорогой Александр Александрович.

Ваше письмо — самое важное, что совершилось за последнее время в литературе. Его будут воспроизводить в историях литературы. Вы — последнее, что надо было сворочить с места во что бы то ни стало *. Это письмо — то, чего я неминуемо ждал после «Балаганчика», подведшего итоги. Только я ждал сразу в поэзии, но так еще лучше, решительнее <...>

Наступает великое время, выходит народ. И этому времени — свое искусство, тоже великое. Я не знаю, что такое символизм, но что какой-то круг завершен, это слишком ясно. Уже плотники выводят крышу и зовут хозяев, а они придут и прежде всего сломают дом... Новое искусство только начинается и едва-едва можно указать некоторые его признаки: 1) сохранение всего существенного из только что законченного периода, 2) наибольшая общедоступность.

Теперь о Вас, т. е. не о Вас, а о Блоке. Оставляя восторженную аудиторию Блока в стороне, я возьму мнение людей, видящих дальше переживаемого момента... Вчера <Вячеслав> Иванов сказал мне: «Смотрите, как Блок идет к реализму». Сегодня Вы пишете: «искусство должно изображать жизнь», «Фома <Гордеев>» — последнее нужное произведение (напомню только одну фамилию: Леонид Андреев). Может быть, для Вас действительно дорога к большому искусству лежит через «реализм». Всякий идет своим коридорчиком, зато когда встретимся под общей крышей — небом, будет нечаянная радость, может и чайная.

Против жизни только одно средство — жизнь. Вы не верите, что кто-либо напишет нужное? И не верьте, во-вся. Вы думаете, что Вы не писатель? И думайте. Нужно переживать начисто. Жизнь не иссякает, только новые формы примет. Еврипид зарыл идол Диониса, выросло дерево, он сломал — в руках змея, и т. д. Не пишете стихов и не пишете. Придет само.

Вы были одним из ярких воплощений минувшего периода, теперь — крутой поворот, теперь нет никакого сомнения с наступлением нового — после письма...

* Речь идет о неизбежном для Блока переходе к новому периоду творчества, о котором он, очевидно, писал в своем не дошедшем до нас программном письме.

Очень хотел бы от Вас:

1) более подробного выяснения «секрета» Горького;

2) » » тезиса, что «искусство должно изображать жизнь» (поскольку Вы согласны с формулой: явление жизни — семя художественного произведения) «и проповедывать нравственность» (и то и другое слово очень далеки мне);

3) Есть-ли какая-нибудь возможность получить «Нечаянную радость» раньше ее выхода, в виде ли корректуры, или в виде рукописи?

Все это при условии, что у Вас будет охота писать.

Крепко целую Вас, кланяюсь Вашим.

Сер. Городецк и й.

Где это замечательное письмо Блока, на которое так горячо откликнулся Городецкий? Не хочется думать, что оно погибло.

В приобретенном мною весной 1939 г. для Литературного музея огромном фонде писем к Блоку сохранилось 44 письма Н. А. Ключева. Но ни одно ответное письмо пока не известно.

Можно привести еще ряд примеров, когда письма корреспондентов Блока служат свидетельством того, что целые связки писем самого поэта начисто отсутствуют. (Не теряя надежды разыскать утраченные письма Блока, мы будем благодарны читателям, если они смогут оказать редакции «Литературного наследства» содействие в этом отношении).

А сколько любопытнейших пометок Блока на адресованных ему письмах!

Таковы лишь некоторые примечательности этой весьма значительной и важной для изучения биографии и литературных связей Блока части его архива, которую удалось получить у Любови Дмитриевны весной 1939 г. для Музея, возглавлявшегося В. Д. Бонч-Бруевичем. И как важно для дальнейших научных разысканий по Блоку, что этот огромный фонд писем, ему адресованных, не разошелся по отдельным автографам, а сохранился таким, каким его сохранял до конца дней своих сам поэт.

С 10 по 18 сентября 1939 г. я находился по редакционным делам «Литературного наследства» в Ленинграде. Узнав, что Любовь Дмитриевна нездорова, решил ее не беспокоить, но не удержался и дня через три по приезде позвонил по телефону. Она попросила зайти к ней, и обязательно в тот же день, вечером. К моменту моего прихода на столе лежали аккуратно разложенные связки писем: это было переписка Блока с Любовью Дмитриевной. В тот вечер она и познакомила меня впервые с подлинниками этой переписки, которая охватывала период времени в шестнадцать лет и содержала свыше трехсот неизданных писем Блока и свыше трехсот сорока писем Любови Дмитриевны к нему.

Даже после беглого просмотра этого фонда в течение трех-четырех вечеров стало ясно то огромное значение, которое имеет переписка Блока с женой для его творческой биографии, для истории русской литературы и театра того периода. Письма юного поэта поражали великой влюбленностью в жизнь и поэзию. А какая в них радость бытия, сколько ликующего счастья... Они воспринимались как стихотворения в прозе, составлявшие нерасторжимое целое с теми поэтическими шедеврами, которые юный Блок посвящал возлюбленной, включая многие из них в свои письма. Когда я в первый раз прочитал некоторые его ранние письма в те незабываемые вечера на Офицерской, в моем сознании они слились в единую и чудесную лирическую исповедь одного из самых пленительных русских поэтов. Кроме того, эти письма воспринимались как своего рода авторский комментарий к ранним циклам стихотворений Блока. Весьма значительный интерес представляли и его позднейшие письма к Любови Дмитриевне. Но наиболее волнующее и на всю жизнь сохранившееся впечатление у меня осталось от знакомства с ранними письмами Блока к ней, которые как бы слагались в главки единой прозаической поэмы. Характерно, что сам Блок писал невесте: «Ты принимаешь мои письма, как повесть. Значит, так надо» (см. наст. том, стр. 158).

Что же касается писем Любови Дмитриевны к мужу, которые она также показывала тогда, то меня прежде всего порадовал самый факт их сохранения ею, к тому же, по-видимому, без каких-либо изъятий. И это при всей роковой сложности отношений

Блока с женой. Мне было хорошо известно, как нередко жены, подруги, родственники великих художников слова после их смерти уничтожали свои письма к ним. Быть может, именно так поступила Наталья Николаевна, ни одно письмо которой к Пушкину до сих пор не известно (если не считать ее приписки к письму матери, адресованному поэту). Но ведь эти письма были ей возвращены. Спустя всего лишь пять дней после гибели Пушкина, когда царь уже поручил В. А. Жуковскому рассмотрение бумаг покойного, Наталья Николаевна обратилась к Василию Андреевичу с письмом, в котором содержалась только одна конкретная просьба: «Я буду просить Вас возвратить мне письма, писанные мною к моему мужу». В связи с этим 5 февраля 1837 г. Жуковский отправил шефу жандармов А. Х. Бенкендорфу письмо, где были такие строки: «Супруга покойного просила меня собрать все письма и записки, ею писанные к мужу, и возвратить ей. Подаваю, что этих писем рассматривать не следует». Ответ Бенкендорфа гласил: «Письма вдовы покойного будут немедленно возвращены ей, без подробного оных прочтения, но только с наблюдением о точности ее почерка». Значит эти письма тогда же были отданы Наталье Николаевне. Но за 140 лет, прошедших с того времени, не удалось отыскать каких-либо следов тех писем! Вот почему можно предположить, что Наталья Николаевна их уничтожила. Нет сомнений, что Эвелина Ганская полностью истребила свои письма к Бальзаку, а их было, по-видимому, около пятисот. И всего лишь два таких ее письма случайно уцелели в книгах, принадлежавших великому романисту. Та же судьба постигла, очевидно, письма Полины Виардо к Тургеневу, — пережив Ивана Сергеевича на двадцать семь лет и владея его архивом, она самым бесцеремонным образом распорядилась творческими рукописями и письмами, ему адресованными, уничтожила, по-видимому, его дневники, где могли быть нелестные отзывы о ней, а также по каким-то причинам решила избавиться от своих писем к Тургеневу (их должно было быть свыше трехсот, а сохранилось около десяти). В литературе известны около ста писем Валентина Серова к жене; что же касается ее ответов, то она сама предала их огню. По каким-то причинам были уничтожены письма матери Блока к нему, — а их насчитывалось свыше шестисот.

Но несмотря на то, что семейная жизнь Блока и его жены сложилась отнюдь не так лучезарно, как начиналась, Любовь Дмитриевна сохранила и дневники мужа, и его письма к ней, а также свои письма к нему, хотя во всех этих документах имелось немало прямых свидетельств тех трудностей, которыми был отмечен их совместный жизненный путь.

Завершив просмотр переписки Блока с женой, а также различных изобразительных материалов, я стал убеждать Любовь Дмитриевну уступить все это Литературному музею. Она, видимо, и сама, до нашей беседы, пришла к этому решению и потому на мое предложение сразу ответила согласием. Но тут же поставила основное предварительное условие для переговоров на эту тему: сохранить за ней пожизненное право публикации переписки. Таким образом, музею предлагалось лишь приобретение автографов. Но так как названная Любовью Дмитриевной сумма за их передачу была по тем временам весьма значительной, мы решили отложить завершение переговоров до возвращения из отпуска В. Д. Бэнч-Бруевича, который ожидался 4 октября 1939 г.

В Москву я вернулся 19 сентября, а через девять дней, 28-го числа, получил телеграмму В. П. Веригиной о скоростижной смерти Любви Дмитриевны. В тот день я должен был встретиться в Москве с известной музейной деятельницей Н. Е. Добычиной. Но необходимость срочного отъезда заставила меня отправить ей записку, — она уцелела в архиве Н. Е. Добычиной, хранящемся в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ф. 420, картон 12, ед. хр. 54):

«Дорогая Надежда Евсеевна.

Только что получил телеграмму из Ленинграда о смерти Любви Дмитриевны Блок. Меня просят немедленно приехать по вопросу о судьбе архива А. А. Блока. Вернусь я 1 числа. Тогда же Вам позвоню, — и вручу Вам то, что Вы просили.

Всего доброго. И. З и л ь б е р ш т е й н.

По приезде в Ленинград я пришел на Офицерскую, где находилась В. П. Веригина. Она мне рассказала, что 27 сентября решила навестить Любовь Дмитриевну, которая плохо себя чувствовала. Несколько раз стучала в дверь, но ответа не было. Снова постучала, и тогда открылась дверь, за которой стояла бледная Любовь Дмитриевна. А еще через минуту она упала на пол без признаков жизни.

В Ленинграде я связался с единственной сестрой покойной, М. Д. Кузьминой, и рекомендовал передать переписку Блока с Любовью Дмитриевной, а также другие материалы на хранение А. И. Менделеевой, их матери. Мария Дмитриевна сочла предложение правильным и тут же стала складывать в чемодан автографы, рисунки, фотографии. Для меня было полной неожиданностью, когда я увидел рукопись воспоминаний Любви Дмитриевны «И был и небылицы о Блоке и о себе», а также большой конверт с какими-то бумагами, на лицевой стороне которого была ее завещательная надпись.

1 октября я вернулся в Москву, рассказал вскоре возвратившемуся из отпуска В. Д. Бонч-Бруевичу о всем происшедшем. Но отправиться в Ленинград я смог лишь 14 ноября, причем поехал с твердым намерением привезти оставшиеся материалы блоковского архива. Переговоры длились около двух недель, так как первоначальное решение А. И. Менделеевой и М. Д. Кузьминой свелось к тому, что они воздержатся от передачи всего этого фонда в Литературный музей ввиду сложности отношений Блока с Любовью Дмитриевной и преждевременности оглашения документов. Но после многократных подробных обсуждений возникшей проблемы Менделеевы изменили свою точку зрения, причем решающую роль в этом сыграл тот факт, что Любовь Дмитриевна выразила согласие на передачу в Литературный музей своей переписки с Блоком и других материалов, связанных с этой перепиской. Удалось также уладить вопрос о материальной компенсации за все передаваемое. Затем была составлена подробная опись, и в конце ноября весь этот драгоценный фонд я привез в Москву и передал В. Д. Бонч-Бруевичу.

Сохранился мой «Отчет о приобретении переписки А. А. Блока с женой и других материалов из архива Блока для Государственного литературного музея», на имя директора музея, датированный 30 ноября 1939 года; отчет находится в фонде этого музея, хранящемся в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР (ф. 612, оп. 1, ед. хр. 113). Здесь, в частности, перечисляется то, что было тогда мною привезено (цитирую дословно):

«1) 305 писем А. А. Блока к Л. Д. Менделеевой-Блок за период времени с 1901 по 1917 г. (в счет не вошли конверты).

2) 343 письма Л. Д. Менделеевой-Блок к А. А. Блоку за тот же период.

3) Конверт с интимными записками Блока к жене и его рисунками. На конверте надпись: «Не открывать. Сжечь после моей смерти. Это только лично мое. 30. XI. 1931 г. Л. Б л о к». В конверте 168 автографов и рисунков Блока *.

4) Рукопись воспоминаний Л. Д. Блок-Менделеевой «И был и небылицы о Блоке и о себе» на 239 страницах (здесь имеются также стихотворения Л. Дм., ее дневниковые записки о последних месяцах жизни Блока, ряд писем к ней).

5) Реликвии, относящиеся к начальному периоду взаимоотношений Блока с Л. Д. Менделеевой: первая записка Л. Дм. к Блоку, программа литературно-музыкального вечера 7 ноября 1902 г., на котором произошло их решительное объяснение; прядь волос Л. Дм.; часть ее платка; две любительские фотографии, изображающие Л. Дм.; вырезанные Блоком автографы Л. Дм. из ее студенческих книг и тетрадей; Евангелие, подаренное Блоком Любви Дмитриевне.

6) Десять писем разных лиц к Блоку (дополнение к собранию писем к Блоку, ранее приобретенному музеем).

7) Подлинный рисунок Г. Маркова, изображающий А. А. Блока и сделанный с натуры в 1911 году. Местонахождение рисунка до сих пор было неизвестно (см. «Литературное наследство», 1937, № 27-28, стр. 551). На рисунке сохранился автограф А. А. Блока.

* В конверте оказались мелкие записки и рисунки бытового характера.

8) Пакет с фотографиями отца поэта — А. Л. Блока, относящимися к различным периодам его жизни, 8 №№.

9) Пакет с фотографиями матери Блока — А. А. Бекетовой, на которых она изображена в девичестве, с первым мужем — А. Л. Блоком, со вторым мужем — Ф. Ф. Кублицким-Пиоттух, а также в старости. На некоторых фотографиях сохранились ее дарственные надписи первому мужу. Всего 26 №№.

10) Пакет с исключительно ценной коллекцией фотографий Блока периодов его детства, юности и студенческих лет. По всем данным это единственная сохранившаяся до наших дней подборка иконографии молодых лет Блока. Всего 40 №№.

11) Пакет с фотографиями А. А. Блока в последний период его жизни. Часть из них до сих пор не издана. Всего 10 №№.

12) Пакет с фотографиями друзей Блока: А. Белого, В. Соловьева, Мих. Соловьева. На конверте надпись рукою Блока. Всего 3 №№.

13) Пакет с фотографиями Л. Д. Менделеевой-Блок периода ее молодости. Всего 14 №№.

Следует указать, что на многих фотографиях сохранились пояснительные записи рукою Блока».

Завершается мой отчет словами:

«Таково вкратце содержание рукописного и иконографического фонда по Блоку, полученного мною от М. Д. Кузьминой-Менделеевой».

Печальная судьба могла постигнуть и этот драгоценный фонд архива великого поэта: спустя два месяца после того как все перечисленные в моем «Отчете» материалы уже находились в Литературном музее, в феврале 1940 г. А. И. Менделеева и М. Д. Менделеева-Кузьмина стали требовать возвращения некоторых из них обратно. У меня сохранилась (так как по просьбе В. Д. Бонч-Бруевича я ездил в Ленинград для урегулирования этого вопроса) их переписка, связанная с таким неожиданным требованием. И только благодаря нашей настойчивости и, прежде всего, решительному характеру Владимира Дмитриевича, весь этот фонд сохранился в неприкосновенности, а не разошелся по рукам, как нередко, к сожалению, случается. Благодаря этому и появилась возможность создать данный том «Литературного наследства». Об этом еще в давние годы мечтали мы с В. Н. Орловым, который на подаренном мне экземпляре книги «Александр Блок и Андрей Белый. Переписка» сделал надпись, где, назвав меня «крестным отцом» этого издания, выразил надежду, что и том переписки Блока с женой предстоит «крестить» мне же.

В 1941 г. решением Советского правительства был основан Центральный государственный архив литературы и искусства СССР, куда поступили, в частности, все рукописные материалы Литературного музея. Но ЦГАЛИ отнюдь не ограничился тем, что стал хранителем ранее собранного — его руководители и научные сотрудники своими поисками и находками чрезвычайно обогатили полученные фонды и в десятки раз приумножили их число. Именно за последнее пятидесятилетие работа ЦГАЛИ по выявлению и собиранию интересных рукописных материалов, освещающих русскую и советскую культуру, приобрела огромный размах; его фонды часто пополняются ценнейшими поступлениями не только отечественного происхождения, но и полученными из-за рубежа. Вот почему за короткий период своего существования ЦГАЛИ вырос в одно из наиболее значительных архивохранилищ нашей страны.

Весьма увеличился за это время и блоковский фонд ЦГАЛИ. Сейчас в нем хранятся подлинные автографы многих поэтических творений Блока, рукописи его пьес, переводов, статей, речей, очерков, докладных записок, рецензий, отзывов, автобиографий. Что же касается подлинников писем Блока, то их количество в последнее время выросло на 300 единиц хранения, а обращены эти письма к тридцати пяти корреспондентам, в том числе к Леониду Андрееву, Иннокентию Анненскому, Анне Ахматовой, Николаю Гумилеву, Сергею Есенину, В. Ф. и Ф. Ф. Коммиссаржевским, В. А. Пясту, А. Н. Чеботаревской, Георгию Чулкову. В ЦГАЛИ собрано множество документов, связанных с Блоком, исполненных им рисунков, воспоминаний о нем, фотографий, книг с его дарственными надписями...

Располагая самой большой частью сохранившейся до нашего времени переписки Блока (свыше трех тысяч номеров), ЦГАЛИ выступил инициатором создания коллективного научного описания всех творческих рукописей поэта, его дневников, записных книжек, переписки, рисунков, портретов, оригиналы которых находятся в государственных архивах и музеях нашей страны, а точнее — в пятнадцати различных местах хранения. Подготовку к печати первых двух выпусков возглавил ЦГАЛИ: в одном из них приводятся сведения о подлинниках писем Блока, в другом — писем к нему. Это описание выполнено на высоком уровне научными сотрудниками соответствующих архивохранилищ, общее же руководство подготовкой издания осуществлено кандидатом филологических наук К. Н. Суворовой. В описании дается аннотация каждого письма: приводится его дата, неправильно установленные даты в изданных письмах уточняются, в случае отсутствия даты в оригинале неизданного письма — она определяется; приводится первая фраза письма, а если оно не издано — даются его краткое содержание и фамилии упоминаемых в письме людей; приводятся пометки Блока на письмах к нему; указываются публикации даже в тех случаях, когда цитировался только отрывок из письма; отмечаются неверные прочтения и пропуски слов, малейшие неточности, допущенные в появившихся в печати эпистолярных документах Блока. Короче говоря, эти два выпуска, на подготовку которых затрачен большой исследовательский труд, будут служить ценнейшим пособием не только для изучающих биографию и творчество Блока, но и для всех, кого интересуют документальные материалы, освещающие литературную жизнь тех десятилетий.

Первое из этих описаний недавно вышло в свет: «Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог. Под редакцией В. Н. Орлова. Выпуск 1. Письма Александра Блока». Вскоре появится второй выпуск, в котором впервые дано описание всех сохранившихся писем, адресованных поэту.

Самые положительные результаты привнесло многолетнее сотрудничество «Литературного наследства» с ЦГАЛИ. Целый ряд наших томов мог быть создан потому, что это замечательное архивохранилище и его научные сотрудники неизменно уделяли «Литературному наслeдству» большое внимание и во многом способствовали осуществлению и реализации наших планов.

Большую помощь в создании данного тома «Александр Блок. Письма к жене» оказала директор ЦГАЛИ Н. Б. Волкова. В настоящее время ведется совместная работа над подготовкой капитального двухтомника «Литературного наследства», который называется «Александр Блок. Новые материалы и исследования». В этом двухтомнике будут также впервые обнародованы неизданные творческие рукописи Блока и его письма, хранящиеся в других архивохранилищах Советского Союза и в личных коллекциях.

Через три года исполняется сто лет со дня рождения Александра Блока. Выход двухтомника «Литературного наследства» и будет приурочен к этой славной дате.

Среди высказываний Блока последних лет жизни есть одно, которое всегда будет читаться литературоведами, текстологами, архивистами с особенным волнением и чувством высокой ответственности. 1 января 1918 г., отвечая на анкету «О праве литературного наследования» (VI, 7), Блок признал народ бесспорным и единственным наследником всего, что было и еще будет создано поэтом. Его заключительные слова — незабываемый завет исследователям и издателям Блока: «Когда умру — пусть найдутся только руки, которые сумеют наилучшим образом передать продукты моего труда тем, кому они нужны».